

ОНИ СЛЫШАТ ВАС, УЧИТЕЛЬ!

Первая злая блокадная осень. Учителя и ученики приготовили школьные здания к защите от вражеских налетов, засыпали чердаки песком, но скоро положение в городе обострилось настолько, что почти все школы пришлось закрыть. И все же в некоторых из них занятия по возможности продолжались.

Суровым морозным днем в бомбоубежище 156-й школы, куда школьники отправлялись на весь учебный день, учитель литературы ведет урок по Маяковскому, читает: «И жизнь хороша и жить хорошо!» Обстановка резко противоречит этому утверждению, но глаза ребят устремлены на учителя...

Считанные минуты я видела это, торопясь по делу в районный отдел народного образования, разместившийся в том же здании, но картина урока в блокаде стоит перед глазами и сейчас. Ослабевшие от голода подростки сутулятся за партами, а учитель выпрямился перед ними, худой, высокий. Он в пальто, но это не мешает выразительности ораторского жеста. Вечером учитель запишет в свой дневник: «Жестокие морозы, до 30 градусов, снега масса. Сейчас нет луны, вечерами тьма... В школе холод! Все в пальто, шапках, слушают тихо, отвечают вяло...».

Учителя я немного знала. Это был Александр Александрович Бардовский. Начиная преподавать литературу в школе, у одного из его учеников я попросила тетради и, разбирая записи, постигала секреты учительского мастерства.

Александр Александрович предлагал на выбор чуть не полсотни тем сочинений, притом самых неожиданных. Например, «Птицы у Горького», «Небо в «Записках охотника»... Таким своеобразным подходом он учил понимать книгу, любить ее. Стремился, в общем, к тому же, к чему передовые учителя стремились во все времена: разбудить мысль, творческие силы, воспитывать нравственно.

Уроки его были так оригинальны, что копировать их оказалось совершенно невозможно. Разбирая, к примеру, «Вишневый сад» и говоря о Гаеве, он показывал, как играют на бильярде, и объяснял, почему столько непонятных слов произносил этот герой. Один из его учеников, теперь инженер и страстный книголюб, хорошо помнит эти уроки: «Почему я люблю книги? Началось с того, что Александр Александрович научил нас читать».

Методика Бардовского современна и сейчас, она чужда формализму и зубрежке, основана на индивидуальном подходе к ученикам, ее цель — подвести к пониманию искусства, развивать лучшее в человеке.

Когда ученики Бардовского, вернувшиеся с фронта, пришли в свою школу, его уже не было в живых, он погиб от дистрофии. Вдова учителя пригласила их к себе домой и прочла выдержки из дневника Александра Александровича. Они с изумлением узнали, что их учитель был неудовлетворен своим преподаванием. Весной сорок первого после экзамена у одной учительницы он написал: «Отвечали прекрасно. лучше, чем у меня. Она умеет держать дисциплину...». Однако в следующей записи он уже иначе все оценил: «Действительно ли я так плохо преподаю? У нее зубрят наизусть, я бужу мысль, у меня класс весь горит».

Праздники, всевозможные затеи — все у него было направлено на то, чтобы углубить связь детей с современностью, воспитывать у них творческую активность.

Это был человек необычный. Сильный духовно, всегда творчески приподнятый, бескорыстный, он плохо справлялся с бытовыми трудностями, пренебрегал ими и чем-то немного напоминал Дон-Кихота. Блокадные испытания Александр Александрович воспринимал особенно остро из-за крайней своей впечатлительности, и мужества ему понадобилось, быть может, даже больше, чем людям более уравновешенным и спокойным.

Тот урок в бомбоубежище все не забывался, хотелось понять еще что-то, его объясняющее, и через много-много лет я пришла в Пушкинский дом, где среди сокровищ хранятся и дневники учителя, которые, как оказалось, он вел на протяжении тридцати семи лет.

«Я учусь во 2-м классе Петербургской 8-й гимназии. Мне двенадцать лет», — написал мальчик в 1905 году на первой странице тетрадки... Его мать и отец — учителя. Русская интеллигентная семья заботливо воспитывает своих детей, приучает трудиться, любить науку и искусство, всякое дело выполнять тщательно и упорно.

Так же пунктуально и честно он будет всю жизнь вести свой дневник, определив его значение только через двадцать девять лет, когда назовет его историей души человеческой: «Может быть, впоследствии, если этот дневник не погибнет, он даст кое-какой материал для историка начала XX века, и для писателя, и для психолога». Так дневник стал опорой человека, считавшего

святым долгом занести на его страницы свидетельства очевидца, как бы это ни было ему трудно.

На внутренней стороне обложки последней, десятой тетради написано рукой автора: «Первые девять тетрадей хранятся в Пушкинском доме, прошу и эту присоединить к ним, если, конечно, возможно».

Мир сотрясает фашистская гроза, и на этом фоне проходит личная жизнь человека с 1939-го по январь 1942 года. 22 июля 1941 года: «Все отошло куда-то далеко в прошлое... Началась эвакуация ребят, школу заняло военное ведомство, дома на окнах наклеил полоски бумаги. Продолжают донимать болезни, свои и жены, приходят мрачные мысли. «Старая штука смерть, и каждому внове», — сказал Базаров и хорошо сказал»...

Он составляет списки оставшихся в городе ребят, ведет занятия в летней школе. Он болен, не подлежит призыву в армию и трудовой мобилизации. «Я немного завидую тем, кто ездил на трудовые работы, они, как все, здоровы, а я, выходит, болен. Они получили новые реальные впечатления о войне... Я внес бы свою лепту в оборону».

Но основные учительские занятия тоже нужны городу. Ребят мобилизуют на земляные работы, а все-таки те, у кого были переэкзаменовки, сдали их успешно. Огромная фугасная бомба упала на соседнее здание. Пожары. Невыносимые впечатления, но когда кто-то сказал, что лучше умереть, чем быть калекой, все запротестовало в Александре Александровиче: «Я хотел бы жить, хоть инвалидом без рук и ног, но с мыслящей головой и горячим сердцем и возможностью хоть как-то проявить себя в мире». В этих словах — сама суть понимания им ценности жизни.

О чем бы ни писал учитель, как будто и о другом, а на самом деле о себе, о ребятах: «Великая сила большевистское упорство. Человек живет в коллективе человечества — прошлого, настоящего и будущего. В этом смысл и оправдание жизни. Но хочется, как хочется жить, приносить пользу, давать уроки, писать статьи...». Может быть, об этом он думал и готовясь к уроку по Маяковскому, читая поэтический гимн жизни. Умиравший, закутанный в пальто, он будто светильник над собою держал, страстно желая передать детям все доброе и хорошее.

«Каждый раз, уходя в бомбоубежище, думаешь, не последний ли раз писал дневник? Не последний ли раз вижу его?..». «Попадание рядом, мы поцеловались, прощаясь, готовые умереть. Тревога продолжалась три часа... О,

будущие поколения! Знайте, что мы здесь переживаем...». «А тринадцатого радость — разгром немцев под Москвой...».

Последняя запись сделана 3 января 1942 года, «Я лежу больной... нет света... пишу при коптилке...» Впечатлительный, тонко чувствующий, он жил в постоянном остром волнении и среди разрушений, в близости смерти, все додумывал. размышлял. Жил, как все, и оставался учителем. Через тьму, голод, холод пронес свои духовные ценности. Все это было Родиной, без которой немыслима жизнь.

Учитель, один из многих, кто из поколения в поколение передает святыне ценности человеческой культуры — он дежурил, оборонял город, голодал, холодал и продолжал жить.

«Дойдет ли до потомков мое писанье?» — спрашивал он себя.

Они слышат вас, учитель, слышат.

М. БЛОК

Сохранила Н.А. Игнахина, выпуск 1937 года.

ОНИ СЛЫШАТ ВАС, УЧИТЕЛЬ!

СЧИТАННЫЕ минуты я делаю это, торопясь по делу в районный отдел народного образования, разместившийся в том же здании, но картина урока в блокаду стоит перед глазами и сейчас. Ослабевшие от голода подростки сутулятся за партами, а учитель выпрямился перед ними, худой, высокий. Он в пальто, но это не мешает выразительности ораторского жеста. Вечером учитель запишет в свой дневник: «Жесткие морозы, до 30 градусов, снег масса. Сейчас нет луны, вечерами тьма... В школе холодно! Все в пальто, шапках, слушают тихо, отвечают вяло...».

Учителя я немного знал. Это был Александр Александрович Бардовский. Начиная преподавать литературу в школе, у одного из его учеников я попросила тетради и, разбирая записи, постигла секреты учительского мастерства.

Александр Александрович предлагал на выбор чуть не полсотни тем сочинений, при этом самых неожиданных. Например, «Птицы у Горького», «Небо в «Записках охотника»... Таким своеобразным подходом он учил понимать книгу, любить ее. Стремился, в общем, к тому же, к чему передовые учителя стремились во все времена: разбудить мысль, творческие силы, воспитывать нравственно.

Уроки его были так оригинальны, что копировать их оказалось совершенно невозможно. Разбирая, к примеру, «Вишневый сад» и говоря о Гаеве, он показывал, как играют на бильярде, и объяснял, почему столько непонятных слов произносил этот герой. Один из его учеников, теперь инженер и страстный книголюб, хорошо помнит эти уроки: «Почему я люблю книги? Началось с того, что Александр Александрович научил нас читать».

Методика Бардовского современна и сейчас, она чужда формализму и зубрежке, основана на индивидуальном подходе к ученикам, ее цель — подвести к пониманию искусства, развивать лучшее в человеке.

Когда ученики Бардовского, вернувшись с фронта, пришли в свою школу, его уже не было в живых, он погиб от дистрофии. Вдова учителя пригласила их к себе домой и прочла выдержки из дневника Александра Александровича. Они с изумлением узнали, что их учитель был неудовлетворен своим преподаванием. Весной сорок первого после экзамена у одной учительницы он написал: «Отвечали прекрасно, лучше, чем у меня. Она умеет держать дисциплину...». Однако в следующей записи он уже иначе все оценил:

ПЕРВАЯ злая блокадная осень. Учителя и ученики готовили школьные здания к защите от вражеских налетов, насыпали чердаки песком, но скоро положение в городе обострилось настолько, что почти все школы пришлось закрыть. И все же в некоторых из них занятия по возможности продолжались.

Суровым морозным днем в бомбоубежище 156-й школы, куда школьники отправлялись на весь учебный день, учитель литературы ведет урок по Маяковскому, читает: «И жизнь хороша и жить хорошо!» Обстановка резко противоречит этому утверждению, но глаза ребят устремлены на учителя...

«Действительно ли я так плохо преподаю? У нее зубрят наизусть, я бужу мысль, у меня класс весь горит».

Праздники, всевозможные затей — все у него было направлено на то, чтобы углубить связь детей с современностью, воспитывать у них творческую активность.

Это был человек необычный. Сильный духовно, всегда творчески приподнятый, бескорыстный, он плохо справлялся с бытовыми трудностями, пренебрегал ими и чем-то немного напоминал Дон-Кихота. Блокадные испытания Александр Александрович воспринимал особенно остро из-за крайней своей впечатлительности, и мужества ему понадобилось, быть может, даже больше, чем людям более уравновешенным и спокойным.

Тот урок в бомбоубежище все не забывался, хотелось понять еще что-то, его объясняющее, и через много-много лет я пришла в Пушкинский дом, где среди сокровищ хранятся и дневники учителя, которые, как оказалось, он вел на протяжении тридцати семи лет.

«Я учусь во 2-м классе Петербургской 8-й гимназии. Мне двенадцать лет», — написал мальчик в 1905 году на первой странице тетрадки... Его мать и отец — учителя. Русская интеллигентная семья заботливо воспитывает своих детей, приучает трудиться, любить науку и искусство, всякое дело выполнять тщательно и упорно.

Так же пунктуально и честно он будет всю жизнь вести свой дневник, определив его значение только через двадцать девять лет, когда назовет его историей души человеческой: «Может быть, впоследствии, если этот дневник не погибнет, он даст кое-какой материал для историка начала XX века, и для писателя, и для психолога». Так дневник стал опорой человека, считавшего святым долгом занести на его страницы свидетельства очевидца, как бы это ни было ему трудно.

На внутренней стороне обложки последней, десятой тетради написано рукой автора: «Первые девять тетрадей хранятся в Пушкинском доме, прошу и эту присоединить к ним, если, конечно, возможно».

Мир сотрясает фашистская гроза, и на этом фоне проходит личная жизнь человека с 1939-го по январь 1942 года. 22 июля 1941 года: «Все отошло куда-то далеко в прошлое... Началась эвакуация ребят, школу заняло военное ведомство, дома на окнах наклеили полоски бумаги. Продолжают доминать болезни, свои и жены, приходят мрачные мысли. «Старая» штука смерть, и каждому внове», — сказал Бардовский и хорошо сказал.

Он составляет списки оставшихся в городе ребят, ведет занятия в летней школе. Он болен, не подлежит призыву в армию и трудовой мобилизации. «Я немного завидую тем, кто ездил на трудовые работы, они, как все, здоровы, а я, выходит, болен. Они получили новые реальные впечатления о войне... Я внес бы свою лепту в оборону».

Но основные учительские занятия тоже нужны городу. Ребят мобилизуют на земляные работы, а все-таки те, у кого были переэкзаменовки, сдали их успешно. Огромная фугасная бомба упала на соседнее здание. Пожары. Невыносимые впечатления, но когда кто-то сказал, что лучше умереть, чем быть калекой, все запротестовало в Александре Александровиче: «Я хотел бы жить, хоть инвалидом без рук и ног, но с мыслящей головой и горячим сердцем и возможностью хоть как-то проявить себя в мире». В этих словах — сама суть понимания им ценности жизни.

О чем бы ни писал учитель, как будто и о другом, а на самом деле о себе, о ребятах: «Великая сила большевистское упорство. Человек живет в коллективе человечества — прошлого, настоящего и будущего. В этом смысле оправдание жизни. Но хочется, как хочется жить, приносить пользу, давать уроки, писать статьи...». Может быть, об этом он думал и готовясь к уроку по Маяковскому, читая поэтический гимн жизни. Умирающий, закутанный в пальто, он будто светильник над собою держал, страстно желая, передать детям все доброе и хорошее.

«Каждый раз, уходя в бомбоубежище, думаешь, не последний ли раз писал дневник? Не последний ли раз вижу его?». «Попавшие рядом, мы поцеловались, прощались, готовые умереть. Тревога продолжалась три часа... О, будущие поколения! Знайте, что мы здесь переживаем...». «А тринадцатого радость — разгром немцев под Москвой...».

ПОСЛЕДНЯЯ запись сделана 3 января 1942 года: «Я лежу больной... нет света... пишу при лопатке...». Впечатлительный, тонко чувствующий, он жил в постоянном остром волнении и среди разрушений, в близости смерти, все додумывал, размышлял. Жил, как все, и оставался учителем. Через тьму, голод, холод пронес свои духовные ценности. Все это было Родиной, без которой немислима жизнь.

Учитель, один из многих, кто из поколения в поколение передает святыни культуры — он дежурил, оборонял город, голодал, холодал и продолжал жить.

«Дойдет ли до потомков мое писанье?» — спрашивал он себя. Они слышат вас, учитель, слышат.

М. БЛОК

Сохранить Н.А. Бардовский, Витебск 1934